

ЛЕРМОНТОВ И КРЕСТЬЯНЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Сообщение П. Вырыпаева

В литературе обстоятельно исследована среда, окружавшая Лермонтова в Москве, в Петербурге, на Кавказе. Но простые русские люди, крестьяне и дворовые, которые были близки Лермонтову с раннего детства и до самой смерти, остаются в его биографии неназванными. Имена большинства из них утрачены, однако некоторых из числа тех, кто был особенно связан с поэтом, мы имеем возможность назвать.

С самого рождения Лермонтова к нему была приставлена крепостная кормилица, двадцатидевятилетняя Лукерья Алексеевна Шубенина — крестьянка села Тарханы. У нее было четверо детей: Степан, Прасковья, Анна и Татьяна ¹.

В 1817 г. у Лукерьи Шубениной родился последний сын — Василий ², которого до сих пор считали молочным братом Лермонтова. Но это ошибка. Молочной сестрой и сверстницей поэта в действительности была Татьяна.

Живя в Тарханах, Лермонтов часто навещал свою «мамушку» и еще ребенком мог слышать в ее семье рассказы о восстании Пугачева.

Сверку Лукерьи Алексеевны, Василию Григорьевичу Шубенину, в год пугачевского восстания было 30 лет ³. Можно предполагать, что он многое помнил, тем более, что один из пугачевских отрядов располагался в селе Калдусы, всего в 9 км от Тархан.

«Мамушка», Лукерья Алексеевна Шубенина, на десять лет пережила своего питомца; умерла она в 1851 г., 65 лет от роду ⁴.

Семью Шубениных с годами стали называть Кормилицыными; это прозвание сделалось их фамилией ⁵ и сохранилось до сих пор за потомками Лукерьи Алексеевны.

Со слов матери много рассказывал о Лермонтове младший сын Лукерьи Алексеевны — Василий Иванович Шубенин (ум. 1905) ⁶. Он был на три года моложе Лермонтова и хорошо помнил, как поэт приходил к ним в дом. Рассказы Василия Ивановича теперь передает его внучка, Татьяна Григорьевна Чуглина — правнучка кормилицы Лермонтова. Вот один из рассказов Т. Г. Чуглиной:

«Дед мой, Василий Иванович, дожил до глубокой старости. От него я слышала, как Михаил Юрьевич бывало заезжал к нам верхом. Дедушка сказывал, что Михаил Юрьевич из себя был невысокого роста, плечистый, смуглый и на лицо приятный. Часто Михаил Юрьевич говорил моему деду: „Вот доживу если, леса, «Круглую» и «Долгую» крестьянам отдам“. Как, бывало приедет в имение, народ к нему валом валит со своей нуждой, жалливый был до крестьян, а бабушка его, Елизавета Алексеевна, — скуповата» ⁷.

В детстве Лермонтов играл с крестьянскими ребятами в войну. Место его детских игр сохранилось и до сих пор. Это так называемые траншеи — два насыпанных холма, окруженные канавой. Выскакивая из-за холмов,

играющие атаквали друг друга. Особенно был дружен маленький Лермонтов с дворовым мальчиком, на два года старше его — Иваном Соколовым, которого впоследствии он взял с собой в Петербург⁸.

Порядки в усадьбе Е. А. Арсеньевой мало чем отличались от порядков в имениях других помещиков-крепостников. В ревизских сказках, хранящихся в Пензенском облгосархиве, имеются записи, свидетельствующие о суровом обращении Арсеньевой с тарханскими крестьянами. По имеющимся данным, в разное время по ее ходатайствам было сослано в Сибирь восемь человек. Чем провинились они перед помещицей — неизвестно⁹.

Особенно сурово расправилась Арсеньева с семьей Федора Иванова: сам он был сослан в Сибирь на поселение, а сыновья его отданы в солдаты¹⁰. Так же поступила Арсеньева и с Алексеем Григорьевым: самого его сослала в Сибирь, а его сына отдала в солдаты¹¹.

Сослав в Сибирь Зиновья Никитина, Арсеньева через несколько месяцев продала его восемнадцатилетнего сына.

Продажа людей не была редкостью в имении Арсеньевой. Повидимому, продавала она крепостных не столько ради денег, сколько в виде наказания. Финансовое положение Арсеньевой никогда не было тяжелым: одних наличных денег после ее смерти осталось 300 тысяч рублей ассигнациями¹². Продавала она, очевидно, тех крестьян, от которых почему-либо желала избавиться¹³.

Нелегко жилось крепостным в имении Арсеньевой. Случалось, крестьяне бежали из Тархан, куда глаза глядят, оставляя дом, семью, милые сердцу места. Всего из имения Арсеньевой, по неполным данным, бежало девять человек¹⁴.

Когда Лермонтов в 1831 г., после смерти отца, стал хозяином родового имения Кропотово, он начал отпускать крестьян на волю. Это подтверждается записью, обнаруженной в метрических книгах. Приведем ее дословно, — тем более, что до сих пор ни в одной биографии Лермонтова не упоминалось о том, что он отпускал крестьян на волю. В книге, куда заносились фамилии бракосочетавшихся в феврале 1849 г., записано: «Тульской губернии, Ефремовского уезда, деревни Кропотово, вольноотпущенная господином Лермонтовым Варвара Антонова первым браком — 25 лет». «Поручители по невесте: села Тархан вольноотпущенные господином Лермонтовым дворовые люди: Кирилл Лаврентьев и Николай Григорьев»¹⁵.

Чтобы понять эту запись, надо иметь в виду, что, кроме крестьян тульской деревни Кропотово, принадлежавшей отцу Лермонтова, поэту достались по наследству от его матери восемь крепостных семейств в Тарханах. Достигнув совершеннолетия, Лермонтов получил право распоряжаться их судьбами и, как видим, отпустил их на волю также, как и кропотовских. Судя по записи в метрической книге, получив волю, Варвара Антонова переехала из Кропотова в Тарханы. Потому-то за нее и «поручились» Лаврентьев и Григорьев — вольноотпущенные села Тарханы.

В биографиях Лермонтова весьма скромная роль отведена его дядьке, Андрею Ивановичу Соколову. О нем говорится значительно меньше, чем, например, о гувернерах Лермонтова — французе Капэ и немке Ремер. Между тем этот человек заботился о Лермонтове и опекал его многие годы и по праву должен занять в биографии поэта более важное место, чем то, которое отводилось ему до сих пор.

А. И. Соколов родился в Тарханах в 1795 г., в семье дворового человека. В 1818 г. он женился на дворовой девушке, Дарье Григорьевне Куртиной¹⁶. Дарья Григорьевна Арсеньева сделала ключницей, а Андрея Ивановича, грамотного, рассудительного человека, приставила к внуку. Лермонтов почти до конца жизни не расставался с Андреем Ивановичем,

искренно любил его и доверял ему. Доверие, которое оказывал поэт своему дядьке, естественно, внушало к Андрею Ивановичу уважение и товарищеской Лермонтова: Раевского, Браницкого, Шан-Гирея и других. А. П. Шан-Гирей рассказывает в своих воспоминаниях, что Андрей Иванович был постоянным «кассиром» Лермонтова и действовал при этом «совершенно бесконтрольно»¹⁷.

В декабре 1835 г. Лермонтов получил отпуск и прожил в Тарханах два с половиной месяца. Из петербургского великосветского общества он попал в деревню и увидел жизнь простого народа. В Тарханах Лермонтов навестил свою кормилицу — Лукерью Алексеевну Шубенину.

Михаилу Николаевичу Губареву
 По именит. Города Теллера Околотинский
 Крестьянин Мокш. Куримов и Теллеров
 Ивандной Поманди рядовой Солдаты
 Степанъ Гудановъ; по вѣдѣ стѣ. Села
 Тарханъ Волюнотпуцели Губаревъ
 Товарищъ друзей мои: Куримовъ Мавриканъ
 Николай Григорьевъ.

ЗАПИСЬ В МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ ЦЕРКВИ СЕЛА ТАРХАН О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ
 В ФЕВРАЛЕ 1849 г., ПОДТВЕРЖДАЮЩАЯ, ЧТО ЛЕРМОНТОВ ОТПУСКАЛ НА ВОЛЮ
 СВОИХ КРЕПОСТНЫХ

Пензенский областной архив

В ее семье жил в то время Дмитрий Федоров, отставной солдат, участник Бородинской битвы¹⁸. Сданный Е. А. Арсеньевой в солдаты в 1810 г., он прослужил 25 лет и, возвратившись в Тарханы, поселился в семье Лукерьи Алексеевны, которой он приходился двоюродным деверем. Более близких родных в Тарханах у него не осталось. Часто навещая «мамушку», Лермонтов, повидимому, неоднократно слушал рассказы бывшего солдата.

В марте 1836 г. Лермонтов уехал в Петербург к месту службы в сопровождении неизменного дядьки А. И. Соколова. Отправились с Лермонтовым (а может быть приехали к нему позже) двое его дворовых людей: Иван Абрамович Соколов и Иван Николаевич Вертюков. Они же сопровождали Лермонтова во время его последней поездки на Кавказ, в апреле 1841 г. Старый дядька Андрей Иванович почему-то на Кавказ не поехал. В день трагической гибели Лермонтова, 15 июля 1841 г., И. А. Соколов находился в Железноводске, а Вертюков — на квартире поэта в Пятигорске. По вызову Глебова, секунданта Мартынова, — Вертюков;

выполнявший обязанности кучера, поехал на место дуэли с кучером Мартынова, Ильей Козловым, и в 10—11 часов вечера перевез тело Лермонтова на квартиру¹⁹.

После долгих хлопот Е. А. Арсеньева получила разрешение перевезти тело Лермонтова из Пятигорска в родные Тарханы, где он и был похоронен. Перевезти тело поручено было старому дядьке Андрею Ивановичу Соколову. 12 февраля 1842 г. Андрей Иванович получил в Чембаре сопроводительные документы и через несколько дней отправился в путь. С ним поехали Иван Соколов и Вертюков, присутствовавшие при погребении поэта в Пятигорске. Андрей Иванович прожил в Пятигорске пять дней и 27 марта выехал с телом Лермонтова обратно в Тарханы. Об этом рассказывает официальный рапорт квартального надзирателя Пятигорска Городской пятигорской управе:

Согласно предписанию оной управы 22 сего марта за № 373 и приложенному при оной предложению здешнего окружного начальника от 22 того же марта за № 487 частной управе, последовавшему об отправлении, с высочайшего разрешения, тела умершего Михаила Лермонтова и погребенного в Пятигорске, в поместье бабки его Арсеньевой. Таковое тело сего числа по вырытии из могилы при бытности медика, засмолении деревянного гроба и запаянии в свинцовый сдано мною присланным для сего помещицей Елизаветой Арсеньевой дворовым людям Андрею Соколову, Ивану Соколову и Ивану Вертюкову, для доставления куда следует и выпроводил таковое за окрестность города благополучно. О том частной управе с возвращением выше предписанного предложения г. окружного начальника честь имею донести.

Марта 27 дня 1842 г.

Квартальный надзиратель М у р а ш е в с к и й²⁰.

21 апреля 1842 г. гроб с телом Лермонтова был привезен в Чембар. Крестьяне вышли встречать траурный поезд.

23 апреля 1842 г. останки Лермонтова были погребены в фамильном склепе Арсеньевых²¹. Тяжелый свинцовый гроб несли верные слуги и товарищи детства поэта. За гробом шли его бабушка Елизавета Алексеевна и кормилица Лукерья Алексеевна.

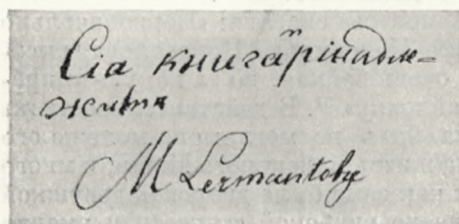
Что же стало после смерти Лермонтова с его слугами? Иван Николаевич Вертюков в качестве дворового человека жил в Тарханах с матерью и братом²². Иван Абрамович Соколов тоже жил в Тарханах, женился и после смерти Арсеньевой, по доверенности Афанасия Алексеевича Столыпина, к которому перешло имение по духовному завещанию покойной, управлял некоторое время имением²³.

Андрей Иванович Соколов был отпущен на волю, но жил до самой смерти в Тарханах. В 1867 г. в «Пензенских губернских ведомостях» появилась такая заметка: «На дворе, во ста шагах от дома, построено маленький флигелек, где давно уже проводит свои грустные дни бывший слуга М. Ю. Лермонтова — дряхлый, слепой старик, когда-то всей душой преданный поэту, о котором одно воспоминание до сих пор приводит в волнение все его престарелое существо. Если вы спросите у него, помнит ли он своего барина, Андрей Иванович привстанет со своего места и весь задрожит. Он хочет говорить, но слова мешаются, он не в силах выразить вам все, что в один раз желал бы передать вам. „Портрет, — усиливается он произнести, — портрет...“ — И несет показать вам сделанный масляной краской снимок с лица, чей образ ему так мил и дорог»²⁴.

Андрей Иванович умер в 1875 г. в возрасте восьмидесяти лет²⁵. До конца дней своих он чтит память Лермонтова. Оставшиеся у него личные вещи поэта он берег как реликвии. После смерти Андрея Ивановича эти

АВТОГРАФИЧЕСКИЕ НАДПИСИ ЛЕРМОНТОВА НА ЕГО ДЕТСКОМ УЧЕБНИКЕ «ЗРЕЛИЩЕ ВСЕЛЕННЫХ», НАЧАЛО 1820-х гг. Титульный лист и внутренняя сторона крышки переплета

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

вещи (шкатулка орехового дерева с бронзовой отделкой, эполеты с одной звездочкой, чувяки сафьяновые с серебряными позументами, купленные Лермонтовым на Кавказе, жилет шелковый и хрустальная ваза) перешли во владение к сыну Андрея Ивановича Соколова, Филиппу Федоровичу Беспалову²⁶, служившему лакеем в доме управляющего имением П. Н. Журавлева. Шкатулка орехового дерева в 1939 г. приобретена у жены Беспалова, Анны Петровны, музеем Лермонтова в Тарханах. Эполеты с одной звездочкой она в 1884 г. продала Турнеру (помещик, владеец с. Щепотьева, Пензенской обл., в 7 км от Тархан). В 1905 г., после смерти Турнера, по его завещанию, эполеты были переданы Лермонтовскому музею в Петербурге. Чувяки черкесской работы Журавлев передал в 1883—1884 гг. вместе с детским столиком Лермонтова тому же музею, и теперь они хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР — так же, как и эполеты.

* * *

За годы советской власти издано много книг о жизни и творчестве Лермонтова. Но в той части, которая относится к пребыванию Лермонтова в Тарханах, встречаются неточности. Одной из ошибок, вошедших в биографию Лермонтова, является дата основания Е. А. Арсеньевой деревни Михайловки. Первый биограф Лермонтова, со слов тарханских крестьян, утверждал, будто деревня Михайловка (недалеко от Тархан) была построена Арсеньевой в честь рождения внука. Висковатов писал, что «Юрию Петровичу <отцу поэта> предоставлено было управлять имением матери — селом Тарханы и деревней Михайловкой»²⁷.

Висковатов предполагал, что деревня Михайловка в 1815 г. была уже построена. В действительности же этой деревушки тогда еще не было. На основании документальных данных нам удалось установить, что деревня была основана только в 1825 г. и первоначальное ее название —

«Новоселка». Е. А. Арсеньева выселила туда в 1825 г. 12 семей крепостных крестьян — всего 71 человек²⁸. Желание увековечить имя внука в названии деревни явилось у Арсеньевой позднее. 1 октября 1831 г. умер Юрий Петрович Лермонтов, а с его смертью окончилась распря между ним и бабушкой из-за права воспитывать мальчика; получив полную уверенность, что внука у нее теперь никто не отнимет, и он со временем станет ее наследником, Арсеньева в 1839 г. переименовала деревню «Новоселка» в деревню «Михайловка»²⁹. Старое название забылось не сразу: года три деревню называли и «Михайловкой», и «Новоселкой». В обиход прочно вошло название «Михайловка» только с 1841 г. Это название сохранилось и до настоящего времени.

Другая ошибка биографов Лермонтова заключается в том, что они считали няней поэта Марфу Максимовну Коновалову. Так, В. А. Мануйлов в книге «Лермонтов в Тарханах» пишет: «Чуть ли не с самого рождения к мальчику приставили Марфу Максимовну Коновалову, но за какую-то провинность Арсеньева отправила ее в Михайловку»³⁰.

В книге Н. Л. Бродского «М. Ю. Лермонтов» сказано: «Первоначально к ребенку была приставлена няня Марфа Максимовна Коновалова, высокого роста, с продолговатыми глазами, очень бойкая, но за какую-то провинность Арсеньева отправила ее в Михайловку»³¹. В действительности же Марфа Максимовна няней Лермонтова быть не могла: она моложе его на 4 года. Правда, она близко наблюдала жизнь маленького Миши, и много слышала о нем от других дворовых, так как сама была дворовой девушкой Арсеньевой. Марфа Максимовна дожила до глубокой старости и умерла в начале XX в.³² Многие жители Тархан хорошо ее помнят. Марфа Максимовна охотно рассказывала о Лермонтове и при этом, из желания казаться ближе к нему, называла себя его няней. В рассказах Марфы Максимовны поэт представлен другом и защитником народа. Теперь ее рассказы передают другие: «Сказывала Марфа-то Максимовна, как вышел однажды Мишенька на балкон, а в селе избы-то по-черному топились, он и спрашивает: „почему дым через крышу идет, я видел, как дым через трубу идет, а не через крыши“; рассказали ему; тут он и пристал к бабушке: „У тебя своя кирпична (кирпичный завод), дай мужикам кирпичей на печки“. Ну бабка-то его любила, мужикам кирпичей дали. Сложили печки-то с трубами. До крестьян Мишенька-то был добрый. Он может их и на волю отпустил бы, да когда его убили, Дарья Григорьевна, ключницей была у бабки, уговорила бабку не отдавать мужикам землю. „У тебя, говорит, потомство есть — это Столыпина-то“»³³.

На основании записей в метрических книгах удалось точно определить, когда именно семья Лермонтовых с маленьким Мишей приехала в Тарханы. Во многих биографиях поэта неопределенно указывается, что семья Лермонтова приехала в Тарханы «весной» или «в начале лета» 1815 г., то есть когда мальчику не было еще года³⁴. В действительности Лермонтовы приехали в Тарханы ранней весной. В исповедальной книге за 1815 г. записано: «Чембарского округа, села Яковлевского, Тарханы тож, Николаевской церкви соизволением против каждого имени о бытии их во святую, великую Четырдесятницу у исповеди и святого причастия были: 1) гвардии поручица Е. А. Арсеньева, 2) у ней зять корпус капитан Юрий Петрович Лермонтов, 3) жена его Марья Михайловна, 4) у них сын Михаил»³⁵.

Значит в «великий пост» («четыредесятница») перед пасхой у причастия была вся семья Лермонтовых. Пасха в тот год приходилась на 18 апреля. В апреле же, особенно в первой его половине, во всей средней полосе России наступает распутица. Лермонтовы вряд ли пустились в дорогу в эту пору. Остается предположить, что приехали они в Тарханы в марте 1815 г. еще по санному пути никак не позднее первой половины апреля.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга за 1815 г., л. 61 — состав семьи с указанием возраста.

² Там же. Метрическая исповедальная книга, 1821, л. 159 — состав семьи с указанием возраста (Иван Васильевич — 36 лет, Лукерья Алексеевна — 36 лет, их дети: Степан — 13 лет, Прасковья — 11 лет, Анна — 9 лет, Василий — 4 лет).

³ Там же. Метрическая исповедальная книга, 1815, л. 61.

⁴ Там же. Метрическая книга об умерших, 1851, сентябрь, л. 163.

⁵ Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1860, л. 440 (здесь впервые дети Лукерья Алексеевны — Василий и Степан — записаны Кормилицыными).

⁶ Архив Белинского Райзагса Пензенской обл. Метрическая книга, 1905, 17 декабря, запись 52 (Василий Иванович Кормилицын умер 89 лет).

⁷ Записано со слов Т. Г. Чуглиной в марте 1950 г.

⁸ Там же. Метрическая исповедальная книга, 1815, л. 57 — состав семьи дворового Абрама Филипповича Соколова (его сын Иван записан в возрасте трех лет).

⁹ Пензенский Облгосархив. Ревизские сказки, 1834, ф. 60, д. 303, лл. 137, 155 (Матвей Дмитриев, 25 лет, сослан в 1821 г.; Матвей Герасимов, 22 лет, — в 1824 г.; Арефий Семенов, 51 года, — в 1824 г.; его сын Иван, 20 лет, — в 1824 г.).

¹⁰ Ревизские сказки, 1811, ф. 60, д. 172 (Федор Иванов, 40 лет, сослан в 1808 г.; его дети отданы в рекруты: Матвей, 22 лет, — в 1809 г., Дмитрий, 22 лет, — в 1810 г.; Зиновей Никитин, 48 лет, сослан в 1806 г.; его сын Федор, 18 лет, продан в 1807 г.).

¹¹ Там же, д. 172.

¹² Духовное завещание Е. А. Арсеньевой, опубликованное в статье: В. М а н у й л о в. Новые материалы об Е. А. Арсеньевой. — «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 36.

¹³ Пензенский Облгосархив, ф. 60, оп. 4, д. 319, л. 481 (Лукьян Михайлов, 32 лет, продан в 1835 г. вместе с сыном двух лет).

¹⁴ Пензенский Облгосархив, ф. 60, д. 303, л. 115 (Михаил Григорьев, 43 лет, бежал в 1825 г.; Наум Григорьев, 21 года, — в 1828 г.); д. 172 (Василий Григорьев, 40 лет, бежал в 1806 г.; Максим Семенов, 39 лет, — в 1811 г.; Максим Антонов, 31 года, — в 1810 г.; Константин Иванов, 51 года, — в 1807 г.; Иван Терентьев, 30 лет, — в 1811 г.; Леонтий Яковлев, 41 года, — в 1802 г.).

¹⁵ Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая книга «О бракосочетавшихся», 1849, февраль, л. 50, запись 9.

¹⁶ Там же. Метрическая книга «О бракосочетавшихся», 1818, октябрь, л. 39, запись 5.

¹⁷ А. Ш а н - Г и р е й. — «Русское обозрение», 1890, № 8.

¹⁸ Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1839, л. 19, запись 15.

¹⁹ ИРЛИ АН СССР, ф. 524 — судебно-следственное дело о поединке Мартынова с поручиком Лермонтовым.

²⁰ Там же, ф. 524, оп. 3, д. 23-24 — о погребении и переписка о перевозе гроба Лермонтова.

²¹ Пензенский Облгосархив, ф. 5, д. 2635 — о перевозе тела Лермонтова. Рапорт Чембарского исправника от 24 апреля 1842 г.

²² Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1842, л. 128; 1853, л. 238; 1857, л. 335 (среди дворовых значится Иван Николаевич, холост, 37 лет).

²³ Пензенский Облгосархив. Ревизские сказки, 1851, ф. 60, д. 319, л. 809 (ревизскую сказку составлял и расписался по доверенности А. А. Столыпина И. А. Соколов).

²⁴ «Пензенские губернские ведомости», 1867, № 50.

²⁵ Архив Белинского Райзагса Пензенской обл. Метрическая книга об умерших, 1875, 21 марта, запись 8: «Умер Пензенский мещанин Андрей Иванович Соколов 80 лет». В 1843 г. А. И. Соколов и его жена Дарья Григорьевна получили от Арсеньевой отпускную, но продолжали жить в Тарханах (Пензенский Облгосархив. Ревизская сказка, 1851, ф. 60, д. 319, л. 450).

²⁶ З. И. Кузнецова рассказывает, что первый муж ее матери — Анны Петровны, Ф. Ф. Беспалов, был внебрачным сыном А. И. Соколова и Д. И. Беспаловой. Действительно, в метрической книге, хранящейся в музее, 1 января 1851 г. сделана запись о рождении Филиппа Федорова, незаконнорожденного сына Домны Ивановны Беспаловой. В книге бракосочетавшихся за 1881 г. 11 января (хранящейся в архиве Белинского Райзагса Пензенской обл.) записано, что Ф. Ф. Беспалов (30 лет), Анна Петровна (20 лет) венчаны.

П. Висковатов, посетивший Тарханы в 1881 г., писал: «Лермонтов шутя советовал подбирать исписанные листы, рассказывал мне в Тарханах сын лермонтовского камердинера со слов отца своего» (П. В и с к о в а т о в. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891, стр. 94). То же передает и Анна Петровна в своих воспоминаниях,

опубликованных в газ. «Сталинское знамя», 1939, № 187. Эти слова Анна Петровна могла слышать только от своего первого мужа, Ф. Ф. Беспалова.

²⁷ П. В и с к о в а т о в. Ук. соч., стр. 11.

²⁸ Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1825, л. 220 — впервые записана деревня «Новоселка»: 23 чел. из дворовых с. Тархан, 48 чел. из крепостных того же села, что легко проследить по метрическим исповедальным книгам за 1824 г. Существование деревни «Новоселка» подтверждается также документами Пензенского Облгосархива, ф. 182, д. 1272, л. 149.

²⁹ Пензенский Облгосархив, ф. 182, д. 1441; ф. 182, д. 1512; архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1839, л. 10.

³⁰ В. М а н у й л о в. Лермонтов в Тарханах. Пенза, 1949, стр. 36.

³¹ Н. Б р о д с к и й. М. Ю. Лермонтов, т. I. М., 1945, стр. 16.

³² Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1825, л. 220; Метрическая книга «О бракосочетавшихся», 1835, л. 194, запись 29; Пензенский Облгосархив. Ревизские сказки, 1851, ф. 60, оп. 4, д. 319, л. 494 (состав семьи Марфы Максимовны).

³³ Записано в 1948 г. в с. Лермонтове, Пензенской обл. со слов семидесятилетней колхозницы Н. П. Рыбаковой, хорошо знавшей Марфу Максимовну.

³⁴ Н. Б р о д с к и й. Ук. соч., стр. 12.

³⁵ Архив Музея Лермонтова Пензенской обл. Метрическая исповедальная книга, 1815, л. 57. Воспроизведен в «Лит. наследстве», т. 45-46, 1948, стр. 629.